Свет апокалипсиса пролился на Зеридхэвэнс. Крепостные стены огромной крепости, превратившейся в сияющий серебряный замок, горели, её корпус плавился, а крылья разрушались. Картинас говорил, что «Баландиарта» – незыблемый замок, который не падёт, даже если весь мир будет уничтожен. И в данный момент Зеридхэвэнс действительно обладал подобной прочностью.

Но этого было недостаточно. Выпущенное Сашей «Эйн Эял Навэрва» изничтожало Зеридхэвэнс своей ошеломляющей силой разрушения. В мгновение ока его массивные наружные стены были расплавлены и уничтожены, а корпус наполовину разрушен.

– С такими повреждениями ты больше не сможешь нормально лететь, – сказал я, смотря вниз на Зеридхэвэнс. – Как долго ты ещё будешь нести на себе это бремя? Используй «Астрастэлу», Фарис. Продемонстрируй настоящие крылья, нарисованные тобой.

– …Перемазанной в крови кистью, – раздался голос Фариса.

Зеридхэвэнс всё ещё не утратил своего сияния, будто части его разваливающегося корпуса удерживались вместе магией созидания. Изо всех сил раскрыв оба крыла и выжимая всю магическую силу без остатка, он понемногу, но всё ещё набирал высоту прямо посреди льющегося света апокалипсиса.

– …Я нарисую труп на холсте, – магическая сила Фариса с трудом поддерживала форму замка, который был на грани полного разрушения. – И всё же я решил, что должен защитить их, – говорил он, словно подбадривая себя собственными словами. – Соратников, – после перерождения он прошёл через множество битв. – Народ, – глядя на Зеридхэвэнс можно представить себе, что битвы эти были отнюдь не лёгкими. – Работы старых мастеров, – для него это был настоящий ад, из которого слишком добрый Творец никогда бы не смог вырваться. – Когда предо мной предстаёт могущественный противник, я могу сражаться с ним лишь одним способом: либо умереть как Творец, либо защитить всех как воин. И когда я оказался перед этим выбором, я решил окрасить этот корабль в ярко-красный.

Выжимая из себя всё, что есть, магический барьер покрыл Зеридхэвэнс со всех сторон.

– Как я… как я теперь буду писать картины? Я замарал свою работу кровью и больше не имею право держать в руках кисть, – Зеридхэвэнс взмыл. – Я превратил свой Зеридхэвэнс в оружие. Замарал душу и в довершение всего продал душу дьяволу. Кто бы меня не простил, картины не простят меня никогда, – словно откликаясь на его чувства, крылья Зеридхэвэнса отважно летели посреди света апокалипсиса. – И я прошу вас: не надо меня жалеть. Может это и неприглядно, но я ни о чём не жалею! Ведь я спас то, что не мог спасти, рисуя картины! Пусть я не могу нарисовать картину гармонии, но я смог нарисовать гармонию. Такова моя последняя надежда как воина…

Корпус Зеридхэвэнса разваливался на части, но он всё равно приближался к «Солнечному Затмению Апокалипсиса».

– И я поведу Баландиас за собой с помощью этих крыльев чего бы мне это ни стоило!!

Корабль резко ускорился. При помощи практически сломанных крыльев, которые, тем не менее, стали сильнее, чем когда-либо.

– Верно, вперёд, Фарис!! – раздался с земли голос.

Это был Займон и главы замков Баландиаса.

– Ты… ты и есть крылья Баландиаса!

– Ниспосланное небесами дитя битв, воплощение войны!

– Никто так не любим серебряными замками, как господин Фарис!

– Единственный Созидатель Серебряных Замков нашего мира и его сильнейший воин!

– Нанеси миру Милития ответный удар твёрдостью духа замковых демонов при помощи неприступного Зеридхэвэнса!!!

Словно воодушевлённый ободряющими возгласами, Зеридхэвэнс взлетел ещё выше. Стремящийся к свету корабль с разваливающимся корпусом и практически сломанными крыльями со стороны напоминал самого Фариса. Я наложил «Флес» на голову Королевской Тигрицы и отбросил её в воздух. А затем не спеша ускорился вниз.

– Господин Фарис! Наш суверен! Вы и есть надежда Балан…

Раздался оглушительный грохот. Замковые демоны увидели, как я своей правой рукой сломал правое крыло Зеридхэвэнса.

– …Чт… о… о-о?..

– Кончайте уже нести бред, как следует взгляните на это и усвойте уже наконец, жители Баландиаса – не знающие ничего кроме войны замковые демоны. Ваши магические глаза абсолютно слепы!! – я сжал кулак и раздробил наружные стены. – Фарис, мой любивший свободу подчинённый, ты постарался на славу и сумел выжить в этом аду, – я оторвал орудийные башни и разорвал их голыми руками. – Все превозносят тебя как воина, но никому из них не сравниться с тобой в силе, – я кружил вокруг Зеридхэвэнса и постепенно раздроблял его корпус, словно округляя квадратный корабль. – Но довольно. Я его сломаю. Разнесу вдребезги их надежду прямо у них глазах, показав им, что такое настоящий воин.

Я пролетел прямо сквозь левое крыло и силой его сломал. Корабль, который был прочнее самого мира, постепенно разрушался на мелкие куски посреди льющегося света апокалипсиса. Я разрушу крылья надежды, за которые они цепляются; незыблемую крепость – то единственное, что связывает его, до основания.

Прямо на глазах Баландиаса.

– Дрожи от страха, Баландиас. Вот что такое сила. Вот что такое битва.

Кто-то должен был сказать это. Кто-то должен был остановить его. Но этого не произошло. Жители Баландиаса не понимают живопись, а потому никто из них не был ровней Творцу Фарису.

– По-твоему это оружие? Вот это? Столь хрупкий, будто сделанный из бумаги, замок?

На передней части полуразрушенного Зеридхэвэнса была одна точка, где соединялись между собой бесчисленные формулы и подавалась магическая сила. В этом месте была нарисована формула «Баландиарты». Две тысячи лет назад Фарис нарисовал здесь картину с плантацией фасим.

Даже если ему пришлось бы выйти на поле боя, будучи Творцом, он не позволил себе выгравировать формулу лишь здесь. В этом месте были его убеждения. Лишь в этом крошечном холсте посреди поля боя находилась его душа. Это было сакральное место, границы которого никогда не должны были быть нарушены, для того чтобы он мог оставаться самим собой и лететь по полю боя как Творец. Фарис извратил это.

До чего, наверное, для него это было противоречиво и мучительно. Должно быть, видя этот замок, он раз за разом начинал без конца горько рыдать.

– Я освобожу тебя из этой темницы.

Семислойная спираль из чёрных частиц окутала моё тело. Я как следует замахнулся кулаком и ударил им по формуле «Баландиарты».

И с оглушительным грохотом сломал её, попутно разбив стену. Я собственной рукой бил, дробил и уничтожал на куски эту жалкую формулу, которая высекла его сражения как воина. Я буду без конца разрушать и разнесу до основания накопивший трагедии замок вместе с каменными стенами. И затем, разнеся все массивные защитные стены, я вошёл внутрь и увидел стоящего на мостике Фариса.

– Знаешь, Фарис, – я встал на пол и сказал ему: – Всё-таки не идёт тебе быть воином.

– …Ваше Величество…

У него было лицо решительного воина. Но для меня он выглядел как заблудившееся дитя, которое вот-вот разрыдается.

– В армии владыки демонов довольно много тех, кто хорошо умеет сражаться. Но написать картину они не способны, – я шагнул в его сторону. – У тебя нет задатков великого героя. Делать тебя сувереном просто абсурдно. Есть ли здесь вообще место для тебя?

У него перехватило дыхание, и он сказал:

– …Творец Фарис Нойн мёртв. Ведь он продал свою душу дьяволу…

– Продал душу? Кому? Картинасу? Не говори ерунды, – я улыбнулся и сказал ему: – Я купил твою душу две тысячи лет назад. Как ты собрался продать то, чего не имеешь?

Глаза Фариса округлились от удивления. Я пошёл вперёд.

– Все они говорили ровно то, что им самим хотелось. Без твоего желания я не намерен никому отдавать твою душу. Ни Картинасу, ни Мейтилен, ни Баландиасу, – я подошёл к Фарису и тихо прошептал ему: – Можешь сколько угодно рыдать и вопить, но я вложу кисть в твою руку и силой заставлю рисовать, Фарис, – стоя вплотную к Фарису, я посмотрел ему прямо в глаза и с непоколебимой решимостью сказал: – Ты мой.

Я указал рукой на его грудь.

– Твоя душа находится здесь. Ничуть не изменившаяся душа Творца Фариса Нойна находится здесь. Твоё благородное сердце не настолько дешёвое, чтобы его можно было замарать застывшей кровью.

– …Ваше Величество… – с шокированным видом он тут же рухнул на колени и склонил голову к моим ногам. – …Я… хочу писать… – его полившимся слезам не было конца. Своим хриплым голосом он выдавил из себя свои чувства. – …Если… мне ещё позволено… – сжав кулак, он, словно уповая на меня, сказал: – …Я… хочу писать картины… Ваше Величество… – будто умоляя. – …Подле вас… как и две тысячи лет назад…

– Дозволяю.

Он желал этого. Даже здесь в Баландиасе, где не угасал пожар войны, он всё равно желал места, где мог бы писать и созерцать картины. Должно быть, он желал места, куда сможет вложить свою душу.

– Можешь рисовать столько, сколько душе угодно. Я уничтожу любые несправедливости, которые будут связывать твои свободу.

Я протянул Фарису руку. Проливая слёзы, он поднял голову и посмотрел на меня.

– Прости, что заставил тебя так долго ждать, Фарис.

http://tl.rulate.ru/book/19453/2792006